

Вадим Дамье

**Либертарные представления
о гражданском обществе**

Следует сразу же оговориться: что теоретики анархизма — противники государственной власти — почти никогда не пользовались самим термином «гражданское общество» как таковым. Либеральные теории «участия» граждан в управлении государством для них совершенно неприемлемы. «Это понятие гражданственности, — пишут, например, современные французские анархо-синдикалисты, — со всей очевидностью вписывается в идиллическую и обманчивую картинку государства. Государства, для функционирования которого от граждан требуется быть активными, информированными и правильно голосовать. . . Хотя представление об активном и ответственном рядовом гражданине, который борется и участвует в принятии решений, в теории симпатично, на практике, тем не менее, реалии индустриального общества на самом деле отнюдь не способствуют существованию такого рода индивидов, совсем наоборот»¹. Тем не менее, анархисты не только позитивно относятся к самому принципу участия людей в принятии общественных решений (как это было с гражданами греческих полисов или средневековых городов-коммун)², но и считают такое положение дел своим идеалом (система всеобщего самоуправления).

Сама постановка вопроса о государстве и обществе в анархизме основана на представлении не просто об их отличии друг от друга, но именно об их противоположности. Либертарики резко и решительно оспаривали распространенные в социологии и истории идеи о совпадении государства и общества. Так, Петр Кропоткин особо подчеркивал: «. . . Смещение двух совершенно различных понятий, «государство» и «общество», идет вразрез со всеми приобретениями, сделанными в области истории. . . Государство есть лишь одна из тех форм, которые общество принимало в течение своей истории. Каким же образом можно смешивать постоянное с случайным — понятие об обществе с понятием о государстве?»³.

Идею о кардинальном отличии общества от государства высказывал еще основоположник современного анархизма Михаил Бакунин. Общество было для него естественным состоянием человеческого рода, а не продуктом «общественного договора», как у теоретиков Просвещения и либералов. «Человек, — писал он, — животное общественное, подобное многим другим животным, появившимся на земле до него. Человек не создает общества путем свободного договора: он рождается в недрах общества и вне общества он не мог бы жить как человек, ни даже стать человеком. . .»⁴. Хотя это «естественное общество»,

¹ Le Combat Syndicaliste. Bimestriel Anarcho-syndicaliste de la CNT-AIT de Midi-Pyrenees. Toulouse, 2003. Avril-Mai. No.80. P.16.

² См., например: Кропоткин П.А. Взаимная помощь как фактор эволюции. Харьков, 1919; Bookchin M. The Limits of the City. New York, 1974.

³ Кропоткин П.А. Современная наука и анархия // Кропоткин П.А. Хлеб и воля. Современная наука и анархия. М., 1990. С.397.

⁴ Бакунин М.А. Программа общества международной революции // Бакунин М.А. Анархия и

которое еще «начинается с животности», в представлении Бакунина, само постепенно «очеловечивалось» по мере развития индивидуальной и коллективной свободы и отрицания «животности», тем не менее, оно, по существу, рассматривалось им как имманентное человеческой природе⁵. Иначе обстояло дело с государством. «Государство, — отмечал Бакунин, — есть исторически преходящее учреждение, временная форма общества. . . ; но оно отнюдь не имеет фатального и неподвижного характера общества, которое предшествует всякому развитию человечества и которое, обладая всей совокупностью всемогущих естественных законов, действия и проявлений, составляет самую основу всякого человеческого существования. . . Общество одновременно и предшествует, и переживает всякого человеческого индивида, как сама природа. Оно вечно, как природа. . . , оно продлится, пока будет существовать наша земля. . . Ибо человеческое общество есть, в общем, не что иное, как последнее великое проявление или создание природы на нашей земле»⁶.

В то же самое время, Бакунин признавал, что общество отнюдь не неизменно, оно развивается и принимает различные формы на протяжении человеческой истории. И общество с государством — одна из таких форм. «. . . Государство, — писал он, — есть зло, но зло, исторически необходимое, так же необходимое в прошлом, как будет рано или поздно необходимо его полное исчезновение, столь же необходимое, как необходима была первобытная животность и теологические блуждания людей. Государство вовсе не однозначнее с обществом, оно есть лишь историческая форма, столь же грубая, как и отвлеченная. Оно исторически возникло во всех странах от союза насилия, опустошения и грабежа. . . с богами. . .»⁷.

Высказанные Бакуниным взгляды на общество и государство в некоторых аспектах очевидно похожи на те, которые были сформулированы в марксизме, и в то же самое время, существенно отличались от марксистских. И анархисты и марксисты сходились в том, что общество является более древним институтом, чем государство, сопутствующее жизни человечества лишь на протяжении части его истории. С другой стороны, если марксисты видели в обществе преимущественно экономический феномен, то есть объединение людей для совместного удовлетворения их хозяйственных потребностей, то для анархистов — это феномен изначально биологический, приобретший затем собственно социальные черты.

Анархистские теоретики конца XIX — начала XX веков развили эти основные положения либертарной концепции общества и государства. Прежде всего, такое развитие было, конечно же, заслугой Петра Кропоткина.

порядок. М., 2000. С.309

⁵ Там же. С.311 — 312.

⁶ Бакунин М.А. Кнуто-германская империя и социальная революция // Там же. С.665 — 666.

⁷ Там же. С.666.

Кропоткин попытался обосновать идею о биологическом происхождении человеческого общества, анализируя роль взаимопомощи и коллективных действий в жизни природы и человечества. Этой теме посвящено его фундаментальное исследование «Взаимная помощь как фактор эволюции». Суммируя свои представления на сей счет в очерке «Государство и его роль в истории», Кропоткин замечал: «В борьбе за существование именно виды животных, живущих обществами, имеют всегда преимущество перед необщественными видами. . . Общество не было выдуманно человеком, оно существовало раньше появления человекоподобных существ»⁸. Другой выдающийся анархист XIX — начала XX вв., Эррико Малатеста утверждал, что социальный инстинкт, который движет человеком и побуждает его вместе с другими людьми составлять общество, «имеет свое происхождение в стремлении всех живых существ сохранить свой вид. . . , и он развился в такой степени и с такой силой, что с тех пор образует. . . основу этической природы человека»⁹.

Эта имманентная социальность, полагали анархисты, всегда побуждала людей жить обществами, которые на протяжении тысячелетий принимали самые различные формы — родов и племен, семей, сельских и городских общин, цехов, гильдий, братств и т.д. Существовавшие в них общественные учреждения, то есть органы и механизмы принятия и осуществления коллективных решений, были основаны на принципах самоорганизации, солидарности и автономии. Лишь на позднем этапе развития рядом с самоорганизованным обществом появился институт государства.

Итак, общество, в глазах анархистов, — это совокупность естественных, хотя и развивающихся форм общежития, совместной жизни людей, социальных связей, основанных на самоорганизации и взаимопомощи. Говоря словами Кропоткина, «как всякий живой организм, общество представляет собой. . . очень сложный результат тысячи столкновений и тысячи соглашений, вольных и невольных, множества пережитков старого и молодых стремлений к лучшему будущему». »¹⁰. Но что же такое, с точки зрения анархистов, государство?

«Анархисты, — подчеркивал Малатеста, — используют слово государство для обозначения совокупности всех политических, законодательных, юридических, военных институтов, через посредство которых народ лишается руководства своими собственными делами, возможности определять свои действия, заботы о своем собственном благополучии с тем, чтобы передать их нескольким людям, которые благодаря применению силы или выбору народа приобретают право издавать законы, касающиеся всего и всех, пользуясь в этих целях силой всего народа»¹¹. Иными словами, государство — это власть,

⁸ Кропоткин П.А. Хлеб и воля. Современная наука и анархия. М., 1990.. С.400.

⁹ Malatesta E. Anarchie. Berlin, 1984. S.44 — 45.

¹⁰ Кропоткин П.А. Хлеб и воля. Современная наука и анархия. С.454.

¹¹ Malatesta E. Op. cit. S.26.

отделенная от населения, своеобразная узурпация общественных полномочий (пусть даже с согласия общества), это институты, обладающие монопольным правом принимать решения, приказывать и заставлять повиноваться своим приказам, то есть институты и аппараты насилия и принуждения.

Однако в представлении анархистов государство не ограничивалось одним только аппаратом приказания, насилия и принудительной координации человеческих действия. Это еще и сам механизм принятия общественных решений, система колонизации общества правящим аппаратом. «Понятие государства . . . , — замечал Кропоткин, — обнимает собой не только существование власти над обществом, но и сосредоточение управления местной жизнью в одном центре, т.е. территориальную концентрацию, а также сосредоточение многих отправления общественной жизни в руках немногих. Оно предполагает возникновение совершенно новых отношений между различными членами общества. Весь механизм законодательства и полиции выработан для того, чтобы подчинить одни классы общества господству других»¹². Часто анархисты называли это явление «принципом авторитета».

Если либеральные концепции гражданского общества предполагали такое совершенствование механизма взаимоотношения между этим обществом и государством, чтобы это последнее наиболее адекватно представляло и выражало общественные интересы, то анархисты исходили из совершенной несовместимости самоорганизованного общества и государства. Они вели речь об «освобождении общества от государства»¹³.

Анархистские теоретики видели в государстве внутренне присущую ему тенденцию к экспансии и разрушению общества как системы самоорганизованных, непосредственных связей между людьми и основанных на этих связях органах и институтах. «У крестьян одной и той же деревни, — писал Кропоткин, — всегда есть тысячи общих интересов: интересы хозяйственные, отношения между соседями, постоянное взаимное общение; им по необходимости приходится соединяться между собою ради всевозможнейших целей. Но такого соединения государства не любит — оно не желает и не может позволить, чтобы они соединялись. Оно дает им школу, попа, полицейского и судью; чего же им больше? И если у них явятся еще какие-нибудь нужды, они должны в установленном порядке обращаться к церкви и государству».¹⁴

Анархисты иллюстрировали этот процесс на примере разрушения городских общин, цехов и сельских общин абсолютизмом в Европе, продолженного и завершеного современным буржуазным государством. «Государство, — объяснял Кропоткин, — требует прямого и личного подчинения себе подданных, без посредующих групп: оно требует равенства в рабстве; оно не может тер-

¹² Кропоткин П.А. Хлеб и воля. Современная наука и анархия. С.398.

¹³ См., например: Muehsam E. Die Befreiung der Gesellschaft vom Staat. Berlin, 1984.

¹⁴ Кропоткин П.А. Хлеб и воля. Современная наука и анархия. С.440.

петь «государства в государстве»¹⁵. Государство, продолжал он, «развиваясь в течение всей истории человеческих обществ, служило для того, чтобы мешать всякому прямому союзу людей между собою, чтобы препятствовать развитию местного почина и личной предприимчивости, душить уже существующие вольности и мешать возникновению новых. И все это — чтобы подчинить народные массы ничтожному меньшинству»¹⁶.

Именно поэтому, говорили анархисты, государство не может служить орудием социального и личностного освобождения человечества, а государственный социализм стал бы новым, еще более страшным рабством, поскольку означал бы укрепление власти государства над обществом.

Либертарики того времени смотрели еще весьма оптимистически на ход этого противостояния государства и общества. Они полагали, что глубинные социальные импульсы человека неистребимы, и государству не удастся их удушить. «Тяга человека к взаимной помощи имеет столь древнее происхождение и столь тесно связана со всем прошлым развитием человеческой расы, что он вплоть до нынешнего времени сохраняется человеческим родом, несмотря на все перипетии истории. . . , — писал Кропоткин. — И всегда, когда человечество вырабатывало новую социальную организацию, которая должна была приспособиться к новой ступени развития, его конструктивный дух заимствовал конструктивные элементы. . . из той же самой вечно живой тенденции»¹⁷. Мыслитель ссылался на факты взаимопомощи и солидарности в повседневной жизни, на сохранение общинных традиций, на деятельность рабочих и профессиональных союзов, стачки и кооперативы, всевозможные добровольные ассоциации и объединения граждан. «. . . Тысячами передовых явлений, тысячами глубоких совершающихся уже изменений анархическое общество уже давно начало развиваться, — соглашался другой видный теоретик анархизма Элизе Реклю. — Оно проявляется всюду, где свободная мысль сбрасывает с себя путы буквы и догмата, везде. . . , где воля человека проявляется в независимых поступках, — везде, где люди искренние, возмущившиеся против всякой наложенной на них дисциплины, сходятся по доброй воле, чтобы учиться друг у друга, и без всякого начальства стремятся завоевать свою долю жизни, свое право на удовлетворение своих нужд. Все это — уже анархия, даже тогда, когда она бессознательна. . . »¹⁸.

XX столетие не оправдало этого оптимизма, напротив, поставило перед анархистской теорией общества новые проблемы. Ей пришлось искать ответы на многие социальные явления — или новые, или развившиеся и значительно

¹⁵ Там же. С.438 — 439.

¹⁶ Там же. С.448.

¹⁷ Кропоткин П. *Gegenseitige Hilfe in der Tier- und Menschenwelt*. Berlin, 1977. S.205.

¹⁸ Реклю Э. Предисловие к первому французскому изданию «Хлеба и воли» // П.А.Кропоткин. *Хлеб и воля*. Современная наука и анархия. С.23.

усилившиеся на протяжении века. С одной стороны, разрушение общественных связей государственным диктатом и рыночной конкурентной «борьбой всех против всех» зашло куда дальше, чем это казалось возможным в XIX веке. На смену традиционным общественным связям пришло «массовое общество», в котором каждый из атомизированной массы индивидов был за себя, и лишь одно государство — за всех. Соответственно, неимоверно возросла роль государства: оно уже не было столь жестко отделено от общества, но взяло на себя широкие социальные и экономические функции, в том числе те, какие прежде лежали на самоорганизованных институтах взаимопомощи. Соотношение общества и государства усложнилось: появился целый ряд институтов, общественных по своему статусу, но направленных именно на воздействие на государство и выполняющую роль связки между двумя этими сферами (массовые партии, реформистские профсоюзы и т.п. ассоциации). Наконец, индустриальная форма экономической и социальной организации способствовала превращению человеческого сообщества в мертвую машину.

Анархистам предстояло предложить анализ триумфа этатизма и растворения общества и дать свой ответ на них.

Существо этого ответа сводилось, в первую очередь, к двум основным моментам. Во-первых, в критике индустриализма как материальной основы разрушения общества, а во-вторых, в представлении о «восстановлении» общества в ходе социальной борьбы.

Новые явления не поколебали общее представление анархистов о несовместимости государства и общества, но внесли нюансы во взгляды на устройство самого общества. Ведущий теоретик межвоенного европейского анархо-синдикализма Рудольф Роккер не просто повторил прежние положения о естественном происхождении человеческой социальности и узурпаторской функции государства, но и сформулировал тезис о двух тенденциях в историческом развитии человечества. «Есть две формы социального общежития, — говорил он. — Существует совместная жизнь, облик которой диктуется людям сверху какого-либо вида центральной властью, как бы таковая ни называлась: государством, церковью или диктатурой пролетариата. И существует совместная жизнь, развивающаяся свободно снизу вверх и находящая свою естественную основу в коллективных интересах людей и проявлениях их солидарности друг с другом. Выражением первой формы человеческого общежития служит закон; выражением второй — свободное соглашение»¹⁹. Роккер выделял в истории периоды торжества первой и второй форм, причем именно с периодами централизма связывал культурный и духовный упадок. В этих представлениях отразилось понимание того факта, что общество не есть нечто целое, противостоящее государству, но в нем существуют своего рода обширные сферы, уже

¹⁹ Rucker R. Ueber das Wesen des Foederalismus im Gegensatz zum Zentralismus. Frankfurt a.M., 1979. S.12.

поглощенные им. Соответственно, вставал важный вопрос о том, чтобы не допустить такого поглощения. В фашизме и большевизме анархисты видели именно проявление тоталитарной этатистской тенденции к полному растворению общества в государстве и считали крайне необходимым сопротивляться ей. Так, итальянский анархо-синдикалист Армандо Борги отмечал, что как фашизм, так и большевизм стремятся «превратить государство в силу, призванную диктовать свои законы экономике и определять своими декретами ход экономического развития. . .»²⁰. Крайние выражения всемирной тенденции к всеохватывающему государственному капитализму видел в фашистской и сталинской диктатурах русский анархист Всеволод Волин²¹.

Более дифференцированным стало отношение анархистов к экономике и ее месту в соотношении государства и общества. Прежде либертарианцы (к примеру, Кропоткин) отмечали роль союза между государством и частным капиталом в деле разрушения общества, однако в тот период частная экономическая деятельность могла еще казаться фактором если не социального освобождения, то хотя бы смягчающим всевластие государства. С развитием связей между государством и бизнесом, их сращиванием и с широким внедрением новой индустриальной техники, превращающей изолируемого человека в придаток машины, положение изменилось. Теоретики аргентинской анархистской рабочей организации ФОРА впервые выдвинули идею о том, что, наряду с аппаратом «политического государства», можно вести речь о механизмах «экономического государства». «Под «политическим государством», — писал идеолог ФОРА Эмилио Лопес Аранго, — мы понимаем совокупность законов, которые навязывают населению принудительный «общественный договор». Под «экономическим государством» мы понимаем совокупность организационных форм, свойственных капиталистическому режиму, которые сохраняются даже после осуществления смены юридической системы и переживает любые политические революции. Мы хотим сказать тем самым, что можно разрушить всю социальную организацию, ликвидировать историческое государство, экспроприировать буржуазию и уничтожить частную эксплуатацию, но эти материальные перемены не будут означать окончательное устранение капитализма». Именно это, по мысли Лопеса Аранго, произошло в России после 1917 г.²² Иными словами, ФОРА имела в виду сохранение самой централизованной, индустриальной, фабричной формы организации производства и разделения труда, которая способствует уничтожению навыков самоорганизации и солидарности. Вместе с государством и юридическим правом частной собственности, эта форма, как самостоятельный фактор, служит орудием порабощения людей.

²⁰ Die Internationale. 1925. Nr.5. S.27 — 32.

²¹ Voline V. Le fascisme rouge // Itineraire. 1995. No.13.

²² Lopez Arango E. Doctrina y tactica // Certamen Internacional de La Protesta. Buenos Aires, 1927. P.97.

Формула об «экономическом государстве» не нашла распространения в мировом анархистском движении, а в период широко распространенных иллюзий насчет освободительного потенциала экономического и технического развития эта критика индустриализма была чуть позже основательно забыта. (Лишь Р.Роккер и некоторые испанские анархисты еще напоминали в начале 1930-х гг. о разрушительном воздействии техники на человеческую личность²³). К этим антииндустриалистским идеям человечество вернулось лишь в 1970-х гг., когда видный французский социолог Андре Горц, например, заявил о том, что вся «матрица» современного крупного производства не поддается социализации и коллективному управлению со стороны «рядовых» людей²⁴.

Важным следствием ощущения разрушения общества и его колонизации государством стало представление о необходимости «возродить» его, то есть «восстановить» разрушаемые социальные связи между людьми, основанные на самоорганизации, солидарности и взаимопомощи. Практически все анархисты сходились в том, что такое «восстановление» не происходит «автоматически», но может осуществиться лишь в процессе борьбы людей за свои права — экономические, социальные, духовные. Только такая борьба могла, в их представлении, придать людям стимул к объединению своих усилий и к взаимопомощи, то есть пробудить их уснувшие социальные инстинкты. Однако либертарики расходились во мнении относительно того, какими путями следует идти к этой цели.

Например, европейский революционный синдикализм и анархо-синдикализм предлагал, по существу, нечто в роде создания параллельных социальных механизмов сопротивления, которые могли бы осуществить революцию и заменить собой существующие механизмы государства и поглощенные им общественные сферы. Эта идея была впервые развита во французском синдикализме. Предполагалось, что революционные профсоюзы, ведя борьбу как за повседневные интересы, так и за социальное освобождение трудящихся, могли бы постепенно вовлечь в свои ряды всех производителей, а затем захватить в свои руки управление предприятиями, распределением и социальными вопросами и стать, таким образом, готовой основной единицей будущего свободного, безгосударственного общества. «В деле повседневных требований, — указывалось, например, в «Амьенской хартии» французского революционно-синдикалистского профобъединения Всеобщая конфедерация труда (1906 г.), — синдикализм стремится к координации усилий рабочих, к достижению немедленных улучшений. . . Но эта забота есть лишь одна из сторон дела синдикализма; он prepares интегральное освобождение, которое может быть осуществлено лишь посредством экспроприации капиталистов. . . , и он счита-

²³ См., например: Rucker R. Die Rationalisierung und die Arbeiterklasse. Berlin, 1927.

²⁴ См.: Critique de la division du travail. Paris, 1973. P.18.

ет, что профсоюз, являющийся ныне объединением сопротивления, станет в будущем группой по производству и распределению, основой реорганизации общества»²⁵. В 1920-х — 1930-х гг. анархо-синдикалисты делали основной упор именно на такую организационную подготовку революции, стремясь заранее сформировать и в ходе повседневной борьбы закалить те органы, вокруг которых в ходе революции могло бы возродиться общество.

Теоретики латиноамериканского рабочего анархизма, прежде всего, ФОРА, считали такое организационное строительство ненужным и даже вредным, ибо оно, по их мнению, сковывало творческий потенциал людей и, кроме того, формировало общество вокруг профсоюзов — структур, родившихся из потребностей буржуазного строя, пусть даже это потребности сопротивления против этого строя²⁶. Они надеялись, что в ходе революции трудовой народ добровольно объединится в автономные территориальные коммуны²⁷. Однако и теоретики ФОРА считали, что только в ходе борьбы за свои права и интересы трудящиеся, объединенные в рабочие союзы, разовьют в себе ценности, настроения и навыки, которые позволят им в будущем создать вольную коммуну. «Только так, создавая этические ценности, способные развить в пролетариате понимание социальных проблем, независимое от буржуазной цивилизации, можно придти к созданию нерушимых основ антикапиталистической и антимарксистской революции — революции, которая разрушит режим крупной индустрии и финансовых, промышленных и торговых трестов»²⁸.

Хотя спор о путях и формах восстановления общества продолжается в либертарном движении по сей день, сам этот принцип практически не ставится под вопрос. Сегодня, в эпоху продолжающейся атомизации социума и распространения социал-дарвинистского менталитета, анархисты ставят вопрос о «воссоздании общества» в ходе борьбы людей за свои права²⁹. И по-прежнему настаивают на том, что такое возрождение возможно, в конечном счете, только при полном освобождении от государства.

---

²⁵ Цит. по: Mercier-Vega L., Griffuelhes V. L'Anarcho-Syndicalisme et le Syndicalisme revolutionnaire. Paris, 1978. P.15.

²⁶ См.: Lopez A. La FORA en el movimiento obrero. 1. Buenos Aires, 1987. P.162 — 176.

²⁷ См.: IV. Weltkongress der Internationalen Arbeiter-Assoziation. Berlin, 1931. S.14 — 18

²⁸ Lopez Arango E., Abad de Santillan D. El anarquismo en el movimiento obrero. Barcelona, 1925.

²⁹ Bookchin M. Remaking of Society. Boston, 1990.

Библиотека Анархизма
Антикопирайт
21 мая 2012

Вадим Дамье
Либертарные представления о гражданском обществе